

СТО ДЕСЯТЬ ЛЕТ назад, сберегая скудные свои средства, родители Д. Мамин-Сибиряка были вынуждены отправить сына в Пермскую духовную семинарию с попутным караваном барок. Сплав по Чусовой, по местам, о которых мы повеем речь, оставил глубокий след в его памяти. Вот о чем он думал и писал:

— Распахнув окно, я долго любовался Чусовой, которая сильно надулась и подняла строй снежато-грязный рыхлый лед, покрытый желтыми наледями и черными полыньями, точно он проржавел; любовался густым ельником, который сейчас за рекой поднимался мстучей зеленой шеткой и выстилал загоразивавшие к реке дорожки горы. В лотах еще лежал снег, точно изъеденный червями; по проталинам зеленела первая весенняя трава, но березы были еще совсем голы и печально свесили свои припухшие красноватые ветви...

Попадавшиеся на пути избы производили хорошее впечатление своими толстыми бревнами, крепкими воротами, крытыми наглухо, по-раскольничьи, дворами и белыми кирпичными трубами; известное довольство сказывалось во всем, начиная с тесовых крепких крыш и кончая стеклычатыми окошками и расписными ставнями...

Вся Чусовая, собственно говоря, представляет собой сплошную зеленую пустыню, где человеческое жилье является только приятным исключением. Насколько заводов, до десятка больших пристаней, несколько красивых сел — и все тут. Это на шестьсот верст протяжения. Да и селитба какая-то совершенно особенная: высыплет на низкий мысок

Древо жизни Колобовых

ДЕРЕВНЯ ПОДВОЛОШНАЯ, улица Подволошная. Крепко сложенный дом, за вековую свою жизнь намертво вросший в землю, принявший и укрывший от вьюг и невзгод не одно поколение Колобовых. И сейчас, постукая о ставенку и пройдя в распахнутые Прасковией Федоровой двери, можно попытаться постигнуть их думы, их бытие.

У меня никогда не возникало желания переехать в городскую квартиру, в доме проведено отопление, держу до сих пор скотину. Внук помогает, дети часто навещают, — разговорилась с первой минутой хозяйка. — Дому сто лет. Свекор сказывал, что строил его семь лет, в 1904 отпраздновали новоселье. С тех пор и стоит изба. Сама я здесь живу с 1934 года, вот уже почти шестьдесят лет. Приехала с родителями из Пермской области, было мне 16, когда попали в графу «специпереселенцы». В то время на строительстве динасово-го завода много подобных нам работало. Через пару лет закон о помиловании вышел, но возвращаться назад уже мне не пришлось. Спасибо, хоть в правах восстановили, а то и замуж бы не выйти. Нельзя было в то время специпереселенцам соединять судьбы с вольными, а тут освобождение пришло, да и Александр Васильевич приглянулся. Десять лет прожила со свекровью, тринадцать — со свекром: колобовский род крепкий, из глубины веков идет. Родня много была, почти полдеревни. Как справляли праздники! Самыми популярными считались два Николая, осенний и весенний. Готовилась выпивка, закуска, пеклись пироги. Часа в три-четыре пополудни приезжали родные сестры, сродные братья. Все на конях, разгоряченные весельем, любили поговорить, похолопывая животных: «Лошадь чьяна вывезет». Напротив нашего дома тоже стояла колобовская изба, и у них раздавались песни, смех. Так продолжалось до самого вечера.

Вышла замуж — стала седьмым членом этой дружной рабочей семьи. Родители мужа малограмотные, даже расписаться им было порой не под силу, но, удивительное дело, свекор, не умевший писать-читать, легко управлялся со счетами, не уступал обученным людям.

Мои родители были более грамотными. Мать училась в первой, только открянувшейся школе для девочек в Башкирии. Она, набравшая во всем, необыкновенно любила книги. Знала наизусть все праздники, времена года. Когда пришло время пойти мне в школу, уже отделенную согласно ленинским постановлениям от церкви, мать сказала так:

— Не молись, дочка, не заостряй на себе внимание людей, но в душе своей храни Господа Бога. Спать ложишься — перекрестись, поблагодари Всевышнего за прожитый день.

И своих детей я не приучала, лишь окрестила, да в душе велела веру сохранить.

Подволошная в то время слыха глухим местом, в районе Северной плотной стеной сосняк возвышался, а там, где стоят охрустевшие сиреневые дома по улице Железнодорожников, тернии кустарников не давали путникам проходу.

Весомой приметой цивилизации считалась первая железнодорожная колея, проложенная по Уральской дороге еще до революции, вторую строили уже после.

Старики живут воспоминаниями. Бальзам на сердце, когда есть повод открыть семейный альбом.

— В то время на Динасе в фототелье практиковалась так называемая «ягитминутка». — вспоминает Прасковья Федоровна. — Сфотографируют, а через несколько минут выдают снимок. Старались нарядиться, модными сшить беретки, шили платья с воланами, пальто раскидные. Смотрю на молодежь и вспоминаю себя: возвратилась из прошлого фасоны 1932 года. А здесь вот мой племянник Толя Ехлаков, погибший в первый день войны, стоим возле столика на высоких ножках, с вазой, обернутой газетой...

Пережили Колобовы и

хорошее, и плохое.

— Жили дружно, любили ходить в кино, пешком в выходные на рынок. В 32 год рынок располагался у церкви, под горой. Лавочек не было, лежали спиленные сосны, прямо на них продавцы раскладывали свой товар. Среди торгующих много было китайцев.

В 1941 году эвакуированных из Блаженно рабочих завода «Сантехизделий» расселили в семьи жителей деревни Подволошная.

— Две семьи жили у нас. Сначала одни, после — другие. Вместе было легче пережить трудности. Снасяла от голода хозяйство. Я до сих пор корову держу, овечек. Дел-то много надо за день совершить. Молоком ребята сыты, из овечьей шерсти носки вяжу, валенки катаю отдам. В основном домохозяйкой была, муж работал, содержал семью, но в лихолетье приходилось и мне устраиваться на работу.

Покрутила Прасковья Федоровна ручку транзистора, прислушалась к голосам депутатов со съезда:

— Интересуюсь. Слушаю с самого утра. Не знаю, что ждет Россию? За семьдесят лет многое изменилось. Что касается частной собственности, думаю так: пока хозяин сам на ноги не встанет — он батраком с колен не подымет. Фермер тоже думает сначала о себе, а не о государстве. Мать мне рассказывала, как бедно, в нищете они жили до революции. Питье находилось, а вот купить что-то уже не могли себе позволить. Рушат нынче колоды. Зачем так сразу? Раньше как семья на ноги становилась? Вырос старший сын — отец ему строит дом, отделяет, вырос средний — опять помогают всей семьей. Одного ветроню сначала надо, после — другого. Все за землю тумано, душа болит. Разве можно так: что хочешь, то и сию, сам себе хозяин? Один лужу насадит, другой — гороха, а хлеб расстят кто будет?

Крепко цвели корни Колобовых. Старший сын Прасковьи работает в первом мучачий — в восьмом цехе Новотрубного завода. Лочка Лидия Александровна и внук Михаил Каминские трудятся на «Сантехизделий». Родня по всему городу и далеко за его пределами. Вот такой он крепкий, колобовский род.

И чтоб им всем провалиться. — слышно выругалась, едва переступив порог, хозяйка дома Маргарита Петровна Жаворонкова, вернувшись из маленького продовольственного магазинчика. Решительным шагом двинулась к забывающему транзистору, выключила его и, рассерженная, озорчательно ушла на кухню.

— А я ведь не буду с вами разговаривать. — издали метнула молнию в мою сторону дорожная Маргарита Петровна. — Празники — за двести, карамель — шестисот, газеты и радио брешут. Что правительство обещало? Ни слова не скажу!

— Пойдем-ка мы к соседке сходим. — быстро надел свою и подал мою шапку Борис Антонович. На улице успокоил: — Ты на нее не сердись, психанула она, но отходчива, долго-то не будет сердиться. Жизнь-то, сама видишь, какал. Кто не провел газовое отопление — за голову хватается. Дрова-то нынче по 1200 рублей за кубометр ползскачили. Моя старуха как узнала, так ахнула. Для дома требуется пять-семь кубометров. Где взять столько тысяч на дрова? Мясо — 500, 600 рублей, хлеб с селедкой и то не по

карману становится. Деревня Подволошная чуть больше трехсот лет, дворов семьдесят осталось, в половине из них живут старухи, на всю округу разве что пять стариков найдется, остальные дома пустуют, пока не начнется дачный сезон. Раньше-то лучше жили. Пенсии хватало и на сахар, и на молочко.

— Коров-то не держите? — Что ты! Пара рогатых на всю улицу, а лигр уже за сотню рублей идет. Ты там ближе к Советской власти-то находишься, скажи, хлеб будет дороже? Будет, — ответил сам себе старик и глубоко вздохнул. — Пшеничку не найдешь, замор на рынке по полтысячи предлагают. Раньше ни в чем себе не отказывали, нынче волосы дыбом от цен. Кастрюля-то, кастрюля сколько стоит! Уже чуточку раты не выкидаваем. Бабка колется в белое, что отброшено за ненадобностью было, пересматривает, где подшопать можно. Не стал Динас известку делать — печи небеленые стоят. И жаловаться стыдно, и рассказывать стыдно. Говорю бабкам: живите, не помирайте, не по карману похороны, если уж совсем плохо настанет, побьем купим бутылку, нальем ее всей деревней и забудемся.

— Почему Подволошная называется? — Когда-то об этом очень хорошо писал Мамин-Сибиряк, ты почитай. Места здесь красивейшие, природа, никакие вредности с производств я от машин не достигают. Книжки-то люблю больно читать, купил про Марианну, не оторвешься.

Поприветствовал Борис Антонович Ухань соседок, пошутил со знакомым парнем, проводил до конца улицы: — Табачок-то больно дорогой стал. Сосед три стакана по пятьдесят рублей привез. Курю шестьдесят лет, как отвыкать? Ты не сердись на нас, доченька, — попросил старик и пошел восвояси.

Автор повести Е. ГОРЧАКОВА.

Осерчавшая

Карману становится. Деревня Подволошная чуть больше трехсот лет, дворов семьдесят осталось, в половине из них живут старухи, на всю округу разве что пять стариков найдется, остальные дома пустуют, пока не начнется дачный сезон. Раньше-то лучше жили. Пенсии хватало и на сахар, и на молочко.

— Коров-то не держите? — Что ты! Пара рогатых на всю улицу, а лигр уже за сотню рублей идет. Ты там ближе к Советской власти-то находишься, скажи, хлеб будет дороже? Будет, — ответил сам себе старик и глубоко вздохнул. — Пшеничку не найдешь, замор на рынке по полтысячи предлагают. Раньше ни в чем себе не отказывали, нынче волосы дыбом от цен. Кастрюля-то, кастрюля сколько стоит! Уже чуточку раты не выкидаваем. Бабка колется в белое, что отброшено за ненадобностью было, пересматривает, где подшопать можно. Не стал Динас известку делать — печи небеленые стоят. И жаловаться стыдно, и рассказывать стыдно. Говорю бабкам: живите, не помирайте, не по карману похороны, если уж совсем плохо настанет, побьем купим бутылку, нальем ее всей деревней и забудемся.

— Почему Подволошная называется? — Когда-то об этом очень хорошо писал Мамин-Сибиряк, ты почитай. Места здесь красивейшие, природа, никакие вредности с производств я от машин не достигают. Книжки-то люблю больно читать, купил про Марианну, не оторвешься.

Поприветствовал Борис Антонович Ухань соседок, пошутил со знакомым парнем, проводил до конца улицы: — Табачок-то больно дорогой стал. Сосед три стакана по пятьдесят рублей привез. Курю шестьдесят лет, как отвыкать? Ты не сердись на нас, доченька, — попросил старик и пошел восвояси.

— Табачок-то больно дорогой стал. Сосед три стакана по пятьдесят рублей привез. Курю шестьдесят лет, как отвыкать? Ты не сердись на нас, доченька, — попросил старик и пошел восвояси.

Автор повести Е. ГОРЧАКОВА.

ПОДВОЛОШНАЯ

«ПРИПИСЫЕ К ЗАВОДАМ КРЕСТЬЯНЕ. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО — ДА МАЛО ЛИ ЦВЕТОВ, ВЫРАЩЕННЫХ НЕУТО-КИМЫМ ТРУЖЕНИКОМ — ВРЕМЕНИ! А ВПЕРЕДИ В ФОР-МЕ КАПИТАЛИЗМА ВСТАЕТ НЕЧТО ГОРШЕЕ, КОТОРОЕ ВЛАСНО ЗАБИРАЕТ ВСЕ КРУГОМ». — ну что ж, время действительно неутомимо, пло-ды капитализма вкусили, и уже не цветы, а древо социализма попытались взрастить. А теперь опять повернулись назад, к своим ис.окам...

«РОССИЯНЕ»

Экспедиция

десять два бревенчатых изб, промелькнет полоса огороженных покосов, и опять лес, и лес, без конца-краю. Некоторые деревушки совсем спрятались в лесу, точно гнезда больших грибов; есть починки в два-три дома. Здесь воочию можно проследить, как и где селится русский человек, когда ему есть из чего выбирать.

ОФИЦИАЛЬНОГО названия «деревня Подволошная» уже давно нет ни в одном справочнике, письма в этот уголок большого города доходят по обычному адресу: Первоуральск, улица такая-то. Но удивительное дело — стертые географические позиции ни в коем образе не отразились на атмосфере этой деревушки, где и дворов-то осталось около сотни.

Недолгая дорога, умощенная снежными глыбами весенних сосульках, соединяет поселок Северный Подволошной. Граница — деревянный мост через Чусовую, где остановившийся путник с замирающим сердцем долго глядит на поток воды, пробившейся сквозь кружево льда, на ольху, раскинувшую ветви по незатейливым берегам скромной речушки. Шаг вперед — и новое ощущение времени. Назад, в прошлое.

Уже возвращаясь из поездки, подумалось: не всудит ли читатель за то, что все слова будут записаны о стариках! Да, такие возгласы периодически раздаются в нашем учреждении, мол, о молодежи все меньше и меньше. Как оправдать смысл этого прожитого на Подволошной дня в старческих хатах, наедине с душой нашей истории! Что для нас сегодня эти встречи с представителями грех фамилий-родоначальниц: Колобовых, Жаворонковых, Долгих! Ответ один — это истоки. Исторические, генетические. Это одиноко, чаще всего забытые родники, из которых берет начало измученная противоречиями и страстями великая Россия.

С БОЛЬШИМ ТРУДОМ открываются ворота домика, где живет Зинаида Александровна Долгих. Согнутая пополам от груза прожитых почти восьми десятков лет, выпозла на середину маленькой прихожей-клетушки старушка. И совсем по-молодому сверкнул глаза.

— Здесь жили, здесь умирать будем. Я модисткой работала. Шила всю жизнь, вышивала. Вот недавно новые задергушки смастерила. Да ты пройди в комнату, загляни.

Маленькая избушка-куряка, без водопровода, без отопления газом. Потрескивает печь, с впитетном пожара смолыстые дрова, выбрасывая в маленькое неужоженное помещение клубы едкого дыма. И среди серых тонов пробивается кружево ватейливо выплетенных кручком, «выбитых» на машинке салфеток.

— В Первоуральске была мастерская, там и работала до 37 года. С пятнадцати лет, три года училась, потом модниц обшивала.

— А после 37-го?

Старушка вопросительно взглянула, словно пыталась уличить в неискренности вопроса.

— В 37 году вышла за-

Модистка

муж за литовца. Мужа посадили, тогда всех забирали, даже если Богу человек перекрестится. Сосланы в Сибирь. А через некоторое время и меня туда же на десять лет. Работала инструктором на швейной фабрике, там же и войну пережила.

— А литовца нашли? — Нет. На него получили документы о посмертной реабилитации. Помер он в ссылке. Жили вдвоем с бабушкой. Поступила работать в хирургическое отделение Хромляка, десять лет там прослужила, оттуда на пенсию вышла. Пенсия была 45 рублей, а когда потребовались деньги на проведение газового отопления, то так и не смогла наскрести.

— Почему из мастерской ушли?

— Ноги от чугуна болеть начали, машинцы-то ножные были. У меня самой стоит машина, купленная аж в 1931 году, знаменитой Московской фабрики. А руки у меня до сих пор хорошо работают, пальцы послушные. Еще и вышивку осильваю. Машин таких, как моя, может, штук три на

всю деревню сохранилось. Людям уже не шью на заказ, только для себя. Раньше-то в журналах моду вглядывали. Вся Подволошная приходила посмотреть новинки. Выписывала я тогда много. После, когда ноги прихватили, сестра переманила меня в хирургическое отделение, там на полторы смены приходилось оставаться. Спасибо, динасовцы-медики стариков не забывают, отааривают.

Жить туго стало, ладно хоть в деревне осталась, на картошечке продержусь, а там уж лето не за горами, зелень поспеет. Молоко больно дорогое, а так молочка-то хочется; кашки сварить. Одной жить тяжело было, подпросился ко мне на квартиру молодой человек, живет, помогает. Где пыль оботрет, где белее поглядит. Так и доживаю о чужим человеком.

С любопытством рассматривал непрошенных гостей кошачий квартал.

— Зачем вам столько кошек?

— Не буду держать — крысы замучают, последнюю картошку сърут, — полюблила Зинаида и занялась своими делами.